

Наживин Иван Федорович

Прорва

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Федорович Н.**
Прорва / Наживин Иван Федорович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 216 с.

ISBN 978-5-519-98553-6

ISBN 978-5-519-98553-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Тяжелая драма современной Европы, борьба города съ деревней или, точнѣе, разрушеніе городской цивилизаціей деревни затронута европейскими писателями не разъ. На эту трагическую тему писалъ и Ренэ Bazэнъ въ своемъ прекрасномъ романѣ „Умирающая Земля“, и фовъ Поленцъ, романъ котораго „Крестьянинъ“ такъ любилъ Левъ Толстой. Эта тяжелая тема разработана мной въ трехтомномъ романѣ „Мужики“, который уже переводится на нѣмецкій языкъ. Когда бѣженская судьба закинула меня въ маленькую, насквозь, казалось бы, урбанизированную Бельгію, въ зеленую глушь Арденнъ, я не безъ удивленія увидѣлъ, что тягостный процессъ этотъ идетъ и здѣсь, и здѣсь разыгрываются въ жизни побѣжденнаго городомъ крестьянства тяжелыя драмы. Предлагаемый романъ и есть результатъ моихъ наблюденій въ Бельгіи. Картина, какъ и вездѣ, одна и та же. И вездѣ наши симпатіи идутъ къ побѣжденнымъ и вездѣ симпатіи эти, увы, безплодны: Молохъ современной цивилизаціи жалости не знаетъ и на эти протесты наши не обращаетъ никакого вниманія не только безчувственный истуканъ этотъ, но даже и его сѣпья жертвы, которыхъ мы, вкусившіе отъ древа познанія добра и зла, хотѣли бы предостеречь...

Весна. Вечеръ субботы. Въ старинныхъ, прохваченныхъ золотомъ заката улличкахъ деревеньки С. Жоржъ-на-Канжъ предпраздничная суета: весело зубоскалая, идетъ съ работъ молодежь, стадо, перезванивая въ золотой пыли колоколами, съ мычаньемъ, блеяньемъ и хрюканьемъ, возвращается съ пастбища, кричатъ въ заулокъ дѣти, переговаривается важно стадо гусей... На просторной, залитой солнцемъ площади стоитъ небольшая старенькая, отъ времени совершенно черная церковка, а около нея новенькій, съ иголки памятникъ павшимъ во время европейской войны жителямъ деревушки. Художникъ хотѣлъ быть значительнымъ: его ангелъ со скорбнымъ лицомъ, опустивъ факель долу, другой рукой указывалъ на доску, гдѣ золотыми буквами выписаны имена павшихъ героев... Противъ церковки, черезъ площадь, подъ столѣтними, теперь цвѣтущими каштанами, уютно спрятался старинный, изъ рода въ родъ переходящій кабачекъ „Зеленаго Оленя“. Въ сумрачномъ зальцѣ его, украшенномъ портретами короля и королевы и смѣшными старинными картинками изъ быта охотниковъ и рыболововъ, теперь никого нѣтъ: только мухи однѣ звенятъ по окнамъ. Хозяинъ его, кумъ Декруа, безсмысленный мѣръ деревеньки, кряжистый и медлительный, наслаждаясь вечерней прохладой, сидѣлъ теперь въ саду, за однимъ изъ столиковъ и, посасывая трубку, лѣниво перекидывался словами съ своими немногочисленными гостями. Ихъ немного. Все это старики деревни, сгорбленные трудами, тихіе, въ насквозъ пропотѣвшихъ шляпахъ, съ вѣчной трубкой во рту. Они мирно глядятъ на деревенскую суету, слушаютъ лепетъ быстро и чистаго Канжъ и помахиваютъ. О чемъ гозорить? Слава Богу, давнымъ давно все переговаривали... Благодушію этому много споспѣствовало и то обстоятельство, что деревня ихъ послѣ страшной войны расцвѣла и разбогатѣла, какъ и повсюду.

1 остоямъ прислуживала дочь мэра, Марта, хорошенькая дѣвушка лѣтъ подъ двадцать, загорѣлая, крѣпкая, съ ямочками на щекахъ, съ глазами, какъ васильки и съ волосами какъ сѣлая пшеница. За смертью матери все большое хозяйство мэра легло на ея молодыя плечи. Но мэръ по-жаливалъ свою единственную дочь и взялъ ей въ помощницы ея подругу, Марго, бѣдную, робкую и тоже миловидную дѣвушку съ очаровательной родинкой по самой серединѣ подбородка. Когда Марго смѣялась или говорила, родинка эта прыгала и дразнила нестерпимо. Теперь Марго ласково встрѣчала у раскрытыхъ воротъ коровъ и разговаривала съ ними совсѣмъ какъ съ людьми. Не разъ и не два къ Мартѣ сватались женихи, и изъ хорошихъ семей даже, но мэръ потихоньку отмачивался: не хотѣлось ему разставаться съ дочерью. Да и она не торопилась съ замужествомъ и дѣятельно помогала отцу не только въ кабачкѣ, но и въ небольшой лавочкѣ, рядомъ, гдѣ было всего вволю: и мотыки для хозяевъ, и ленты для мѣстныхъ красавицъ, и порохъ для охотниковъ, и поздравительныя къ Рождеству карточки съ Христомъ въ ясляхъ или съ бѣлыми голубками, и конфеты для дѣтвора, и бичевка, и грабли, и керосинъ, и все, что деревенскому чело-вѣку требуется. Въ кабачкѣ прислуживать было не трудно: суровый мэръ пьяницъ не терпѣлъ и собственно-ручно выставялъ ихъ на улицу, если кто хоть чуточку забудется и поведетъ себя неприлично. Выпить отчего не выпить — говорилъ онъ. — Но свиньей чело-вѣку быть не полагается . . . И пьянчужки боялись его какъ огня . . .

Миромъ дышали эти старинныя домики, эти облитыя золотомъ вечера лѣсистыя горы, обступившія деревеньку со всѣхъ сторонъ, эти плодоносныя цвѣтущія долины съ тучными покосами и съ разнообразными квадратами по-ѣвовъ, и это зеленоватое небо все въ золотыхъ и вишне-выхъ барашкахъ, въ которомъ купались теперь, щебеча, ласточки и съ восторженнымъ визгомъ носились недавно прилетѣвшіе стрижи . . . А вокругъ остраго шпиза коло-коленки съ желѣзнымъ, крутохвостымъ пѣтухомъ, кружи-лись, конечно, галки, какъ всегда убѣжденные, что коло-кольни именно для этого ихъ круженія и строятся . . . И далеко, далеко былъ шумный міръ — даже до ближай-шей станціи желѣзной дороги было отсюда не менѣе двад-цати километровъ. И слава Богу, — втихомолку думали старики, — и спокойнѣе да и деревня стоитъ крѣпче. По-смотри ка въ тѣ деревни, къ которымъ городъ поближе подобрался, а въ особенности на молодежь — совсѣмъ не

тотъ коленкоръ . . . А тутъ тишь да гладь да Божья благодать . . . Ихъ съ городомъ связывала только военная служба, отъ которой, какъ ни вертись, не отвертѣшься, налоги, которые дралъ съ нихъ городъ, да равнѣ эта трухлявая гаветка, которую выписывалъ для приличія мэръ и которая мозолила глаза всѣмъ, валяясь по столамъ кабачка до полного изнеможенія. Впрочемъ, заглядывали въ нее немногіе. И глаза попусту тупить нечего да и, все равно, не поймешь и половины, что тамъ нагорожено. Да и жульства всякаго хотъ лопатой гребн . . .

Вотъ было разъ кумъ Пуонъ вычиталъ какъ-то въ ней отъ нечего дѣлать объявленіе, что какой то тамъ профессоръ дастъ бѣднякамъ даромъ совѣты, какъ отъ глухоты имъ вылѣчиться. А былъ онъ съ глушинкой. Онъ и напиши украдкой, чтобы старуха не узнала, письмо доброму профессору: помощи, дескать, добрый господинъ . . . И профессоръ, дѣйствительно, даромъ посовѣтывалъ ему, куму Пуонъ, купить у него, профессора, эдакую машинку отъ глухоты за сто пятьдесятъ франковъ, — все, де, слышать будешь . . . И письмо на хорошей такой бумагѣ отпечатано было, и Милостивый Государь въ началѣ, и „примите увѣренія въ совершенномъ уваженіи и таковой же преданности“ въ концѣ — прямо картина! . . Ну, кумъ украдкой отписалъ профессору, что онъ де человекъ небогатый — мужицкія-то денежки, извѣстно, горбомъ добываются, — и 150 фр. за машинку послать не можетъ. И отъ профессора опять письмо пришло отпечатанное и съ Милостивымъ Государемъ, и съ совершеннымъ почтеніемъ, и писалъ въ немъ профессоръ, что, имѣя въ виду широкія связи г-на Пуонъ въ обществѣ и надѣясь, что дорогой г-нъ Пуонъ будетъ рекомендовать профессора всѣмъ своимъ многочисленнымъ друзьямъ и знакомымъ, онъ, профессоръ, готовъ уступить ему свой несравненный аппаратъ всего за 100 фр. Подивился кумъ Пуонъ на эти свои широкія связи въ обществѣ — раньше онъ этого и не подовѣрвалъ совсѣмъ, — но, какъ ни просто, какъ ни наивенъ онъ былъ, онъ все же смикитилъ, что поторговаться можно и еще. И опять украдкой отъ старухи и отъ всѣхъ написалъ онъ профессору письмецо, что и 100 фр. для него тяжеленько будетъ, на что добрый профессоръ сейчасъ же отозвался отпечатаннымъ письмомъ, что исключительно только изъ желанія ознакомить со своимъ изобрѣтеніемъ самые широкіе круги общества и тѣмъ облегчить тяжелое положеніе страдающихъ глухотой, профессоръ готовъ уступить дорогому господину Пуонъ свое изобрѣтеніе за — цифра вписана

была отъ руки — 80 фр. „Эге! . . — сказала себѣ кумъ Пуонъ втихомолочку. — Посмаленьку подается . . . “ И, выждавъ, сколько полагается, чтобы не быть неприлично поспѣшнымъ, — человѣку обстоятельному вто не подобаетъ, — онъ написалъ добряку профессору, что больше 25 фр. онъ, къ сожалѣнію, за машинку дать не можетъ, но что, при случаѣ, онъ обѣщается рекомендовать профессора всѣмъ своимъ пріятелямъ. И съ обратной почтой онъ получилъ опять отпечатанное письмо, что машинка высылается ему съ наложеннымъ платежомъ. И, дѣйствительно, скоро пришла посылка, за которую кумъ Пуонъ долженъ былъ заплатить 34 ф. 85. Сперва кумъ обидѣлся и не хотѣлъ было платить совсѣмъ, но потомъ сталъ опасаться: какъ бы чего не вышло — горожане они ловкачи, вразъ засудятъ . . . И изъ приложеннаго къ посылкѣ отпечатаннаго письма онъ узналъ, что 9.85 профессоръ примазавъ ему за пересылку, упаковку и страхованіе. Онъ понялъ такъ, что профессоръ его маленько накрылъ, но что же ты будешь дѣлать? Корявыми пальцами своими онъ осторожно вскрылъ аккуратный ящичекъ и вынулъ благодѣтельную машинку — такъ непыратая штука изъ резины, вроде соски дѣтской, только поменьше. И къ ней картинка эдакая приложена была, какъ съ ней обращеніе имѣть надо. Кумъ тутъ же осторожно воткнулъ соску въ глухое ухо и — совсѣмъ слышать пересталъ. Онъ вынулъ ее, продулъ, постукалъ, ссмѣтрѣлъ, съ картинкой свѣрился — все какъ въ аптекѣ, а ничего не слышать. Онъ въ другое ухо воткнулъ ее — то же самое . . . И не угодно ли, съ второй самой соской онъ на люди показываться долженъ! . . Плюнулъ онъ на все дѣло и — запряталъ соску и всѣ письма добраго профессора въ свою укладочку, подальше: деньги, не щепки вѣдь плочены. Но кума, баба его, — охъ, ужъ вто сословіе женское! . . — пронюхала какъ-то про все, въ минуту откровенности поплакалась сосѣдкамъ на дорогія чудачества своего старика и такъ о нихъ узнала вся деревня. И много всѣ назъ старикомъ смѣялись, но онъ больше дѣлалъ видъ, что онъ ничего какъ есть не слышитъ — глухота же его и вывезала. . . — и отмалчивался. И потихоньку оставилъ его въ покоѣ, но онъ съ тѣхъ поръ и въ руки трухлявой газетинки второй не бралъ и даже, если видѣлъ ее въ кабачкѣ, такъ спиной къ ней поворачивался, чтобы не видѣть паскудной рожи профессора, которая отъ времени до времени появлялась въ ней на четвертой страницѣ бородастый эдакій, въ очкахъ, съ виду словно сурьезный челоуѣкъ совсѣмъ, а на дѣлѣ оказывается жульс . .

И кумъ Пуонъ не одобрялъ даже старенькаго кюрэ ихъ: когда видѣлъ случайно въ рукахъ его поганую газетишку, разъ ты лицо духовное, то съ жульемъ заниматься нечего...

Нѣтъ, горожане они народъ тонкій и самое святое дѣло держаться отъ нихъ подальше. И это было общимъ убѣжденіемъ деревеньки и потому въ городъ крестьяне безъ надобности не ѣздили и ходили тамъ по улицамъ такъ, какъ будто подъ ногами у нихъ былъ динамитъ и, если возвращались домой по добру, по здорову, то втайнѣ благодарили Создателя за Его попеченіе о нихъ, грѣшныхъ. Молодежь, та конечно, въ городъ охотилась: и наряды посмотреть, и опять же пивныя всякія, кино, и всякія другія свѣтскія удовольствія . . . — но старики сурово сдерживали несмысленные порывы: дома то оно вѣрнѣе . . . Да и олять же въ городѣ и расходъ большой: куда ни повернись, за все плати, и плати побольше. а то и не глядятъ . . . Охъ, и жадны эти ловкачи до мужицкой копейки! . . .

Но тутъ, въ С. Жоржъ, городомъ, слава Богу, и не пахло и потому въ душахъ стариковъ, дымившихъ своими трубками въ вечерней тишинѣ, подъ раззѣсистыми, въ цвѣтахъ, каштанами „Зеленаго Оленя“, подъ которыми сжигали такъ же и ихъ отцы, было тихо, мирно, дремотно. И кумъ Пуонъ, — сухощавый, весь бритый старикъ, съ голубыми, стыдливymi глазками, — покуривалъ, потягивая пиво изъ своей основательной глиняной кружки, и легонько косилъ глазомъ на Марту: ахъ, хороша, ахъ, ловка дѣвка . . . Недаромъ занозила она такъ его Робера . . . Но ихъ и мечтать о ней нечего: дочь мэра и богача, перваго челоуѣка на деревкѣ, — тутъ и не подступишься . . . И онъ тихонько вздохнулъ: жалко парня . . . И какъ разъ въ это мгновеніе появился и самъ Роберъ, рослый, стройный паренъ съ золотистыми усиками и, какъ и у отца, мягкими, мечтательными глазами. За плечами его поблескивало розовыми отъ заката огнями ружье. И сразу прелестное лицо Марты залилось — точно отъ зари — нѣжнымъ румянцемъ и на губахъ расцвѣла цвѣткомъ дикимъ, стыдливымъ, что по чашдамъ прячется, сдержанная улыбка. Роберъ тоже сразу весь расцвѣлъ и издали помахалъ ей шляпой . . . А она украдкой на отца оглянулась — но суровый старикъ сидѣлъ съ кѣмъ-то изъ пріятелей, къ улицѣ спиной, — и чуть замѣтно кивнула парню головкой. И опять тихонько вздохнулъ кумъ Пуонъ: ахъ, и дѣвка! . . .

И вдругъ всѣ старики насторожились: изъ-за старой церкви на золотисто-розовую площадь вывернулась непыратая двухколесная таратайка — ее знали всѣ: со станціи возили на ней сюда рѣдкихъ пассажировъ, — и направилась прямо къ кабачку „Зеленаго Оленя“. И сразу неизвестно откуда взявшіеся ребята облѣпили ее со всѣхъ сторонъ. Таратайка остановилась у кабачка. Мэръ выжидательно и строго смотрѣлъ на гостя. Это былъ господинъ лѣтъ тридцати двухъ, съ выющимися черными волосами, бойкимъ пенсне, пріятнѣйшей улыбкой. Глядя на него, крестьяне сразу вспомнили тѣхъ восковыхъ куколъ со сладкимъ выраженіемъ румянаго лица, которыхъ выдывали они на окнахъ парикмахеровъ въ городѣ. И больше всего бросался въ глаза носикъ, тонкій, подвижной, живой, какъ у охотничьей собаки. И на животѣ цѣпь блестяла, на рукахъ кольца, а въ пестромъ галстухѣ камень игралъ огнями . . .

— Могу я видѣть г. мэра? — съ пріятными интонаціями спросилъ гость.

— Это я . . . — съ достоинствомъ отвѣчалъ мэръ.

— Очень пріятно . . . — приподнялъ тотъ свою слегка запялившуюся соломенную шляпу. — Позвольте представиться: г. Лемюгэ, промышленникъ. На станціи мнѣ говорили, что у васъ я могу достать нѣсколько старыхъ дубовъ для нашей фабрики . . .

Мэръ подумалъ. Онъ не любилъ торопиться съ отвѣтомъ: это не къ лицу человѣку въ его положеніи.

— Найдется . . . — сказалъ онъ, наконецъ. — Но сейчасъ уже поздно . . . Ночуйте у меня, а завтра по утру сходимъ въ горы и посмотримъ . . .

— Превосходно . . . — весело согласился гость. — Отлично . . .

Онъ расплатился съ таратайкой и съ помощью мэра сталъ выгружаться: чемоданъ щегольской вынулъ и другой, поменьше, и зонтъ и трость въ чехлѣ, и бинокль въ футлярѣ желтомъ. Ребята таращили на все глаза, а когда господинъ доброжелательно улыбнулся имъ, чрезвычайно сконфузились и стали одинъ за другого прятаться.

Господинъ вѣжливо раскланялся со стариками.

— Если разрѣшите, г. мэръ, то я предварительно чего-нибудь выпилъ бы . . . — учтиво сказалъ онъ. — Ужасно пить хочется . . .

— Садитесь . . . — отвѣчалъ мэръ. — А вещи снесутъ въ комнату для пріѣзжающихъ . . . Марта! . . . — крикнулъ

онъ дочери и глазами показала ей на гостя, уже усѣвшагося за столикъ.

Та, стѣсняясь, подошла. Гость смотрѣлъ на нее такъ, какъ здѣсь, въ деревнѣ, никто смотрѣть не посмѣлъ бы. Это было и непріятно, и пріятно, одновременно, и она вспыхнула и еще больше похорошѣла.

— Что могли бы вы предложить мнѣ, барышня? — съ очаровательной улыбкой, не сводя съ нея глазъ, спросилъ гость.

— Есть пиво, сидръ, вино . . . Молоко есть . . . Можно приготовить кофе . . . — отвѣчала Марта, чуть хмурия брови: развязность этого господина ей положительно не нравилась.

— Тогда пива, но ради Бога, посвѣжѣ . . .

И то, что пить ему хочется „ужасно“, и то, что онъ просить пива „ради Бога“, тоже не понравилось Мартѣ и она молча, съ достоинствомъ, — у, какъ боялись этого ея достоинства деревенскіе кавалеры!.. — пошла въ домъ. А гость съ этой своей городской развязностью сейчасъ же прилипъ къ крестьянкамъ. Тѣ отвѣчали медлительно, осторожно переглядывались и, такъ какъ гость своей быстрой болтовней ихъ опредѣленно стѣснялъ, то, покрхтывая, они одинъ за другимъ поднимались и, проговоривъ „bonsoir à tout le monde“, уходили. Впрочемъ, время и къ ужину ужъ подзигалось. Однимъ изъ первыхъ поднялся кумъ Пуонъ, которому горожанинъ совсѣмъ не понравился: то же, поди, профессоръ какой . . . И онъ ушелъ.

А гость наслаждался и холоднымъ пивомъ, и пепельно-сиреневыми сумерками, и рокотомъ проворнаго Качжъ, и тишиной, и смущеніемъ Марты и, задохдая, какъ муха въ жаркій день, медлительному мѣру своей неумной болтовней и несолиднымъ смѣхомъ, онъ въ концѣ концовъ потребовалъ себѣ ужинать. И, когда, наконецъ, онъ поднялся, чтобы идти въ свою комнату, у мѣра отъ натуги рубашка была мокра и онъ, поглядѣвъ вслѣдъ гостю, пустил облегченное:

— Уфъ . . .

И покрутилъ головой, какъ бы отгоняя липнущую муху . . .

II

Среди осіянныхъ горъ нѣжилось весеннее утро. Въ цвѣтушихъ, душистыхъ чащахъ стоялъ невообразимый гомонъ всякой птицы. точно совсѣмъ потерявшей голову

отъ весенней радости. Гдѣ-то въ зеленой глуши шумѣлъ быстрый Канжъ . . . И вся жизнь представлялась въ это утро одной огромной и незаслуженной радостью . . . Но г. Лемюгэ было не до радости: то и дѣло оскользаясь на каменистой тропинкѣ, онъ чрезъ четверть часа ходьбы за широкой сутулой спинной мѣра началъ уже отдуваться и вытирать потъ. Чрезъ каждыя пять минутъ онъ останавливался, съ удовлетвореніемъ смотрѣлъ вокругъ на зеленую пустыню горъ и говорилъ:

— Какой воздухъ! . . . Удивительно! . . . Не надыхнешься . . .

Мѣръ съ двустовкой за плечами — очень одолевали деревню кабаны, — съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣлъ на него сквозь голубоватый дымокъ трубки: онъ не находилъ въ воздухѣ рѣшительно ничего особеннаго.

— А это солнце! . . — стоналъ въ избыткѣ чувствъ горожанинъ.

— Вѣрно, есть и солнце . . . — невольно отмѣчалъ про себя мѣръ, удивляясь.

— А эти горныя дали! . . . О . . .

Мѣру рѣшительно надоѣла вся эта музыка. Но они, слава Богу, были уже у цѣли, на ближайшемъ лѣсномъ участкѣ мѣра, на которомъ среди хорошо выровнявшагося разнопороднаго лѣса отдѣльной группой стояло нѣсколько могучихъ дубовъ. Мѣръ давно уже подумывалъ срубить ихъ, но какъ-то все время выбрать не могъ. Да, по совѣсти, и жалко какъ-то было: онъ еще мальчишкой былъ, а они, словно, все такіе же были . . . И опять господинъ, какъ воздуху и солнцу, сталъ удивляться и дубамъ, которые онъ называлъ „патріархами лѣсовъ“ . . . Впрочемъ, довольно скоро отъ поэзіи онъ перешелъ къ прозѣ.

— Ну-съ, намъ нуженъ въ сущности, только десятокъ дубовъ . . . — сказалъ онъ, — но если вы назначите подходящую цѣну, то мы, пожалуй, заберемъ и всѣ . . . Какъ вы оцѣниваете ихъ?

И онъ сквозь стеклышки уставился на мѣра.

— Это зависитъ . . . — уклончиво отвѣчалъ тотъ. — Хотите вы принять ихъ на корню или въ деревнѣ или, можетъ быть, даже на станціи? . .

— А вамъ какъ удобнѣе?

— Это зависитъ . . . — сказалъ мѣръ, уже рѣшившій, что рубить деревья горожанамъ онъ не дастъ: какъ валить будутъ, весь лѣсъ испакостятъ, пожалуй. — Тутъ не въ нашихъ удобствахъ дѣло . . . Я могу сдать ихъ вамъ и въ деревнѣ, но могу доставить и къ желѣзной дорогѣ . . .